

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Илья Гиндбург

Сколько раз я ни бывал в Ясной Поляне, больше в его врезался мне в память первый день — летом 1891 года. С тех пор прошло 37 лет и первые мои переживания не изгладятся из памяти. Помню, Л. Н. говорил:

«Время тянется до того не тогда, когда живет однообразно, скучно, а когда много переживаний».

Этот первый день показався мне вечностью: он начался тревожностями и беспокойством, а кончился неожиданным для меня подъемом и радостным настроением. Но раньше следует сказать несколько слов о том, как я попал в Ясную Поляну.

В 1890 году я вылепил статуэтку друга моего, учителя М. П. Антокольского (а потом и моего друга) В. В. Стасова; он и уговорил меня поехать к Л. Н. и вылепить его; я говорю «уго ори!» потому, что сам я боялся ехать, не будучи уверенным в том, что Л. Н. будет мне позировать, а главное, я не был уверен в самом себе: мне казалось, что я не сумею сделать что-нибудь порядочное.

В. В. Стасов написал Софье Андреевне (жена Л. Н.), с которой он был дружен, прося разрешить мне приехать в Ясную Поляну. С. А. ответила: «Буду очень рада, что Гиндбург приедет, тем более, что о нем писал уже А. С. Суворин». В. В., находясь тогда во враждебных отношениях с редактором газеты «Новое время», ему написал: «Мы враги, вашу газету я презираю, но хочу выразить вам признательность за то, что просили Софью Андреевну о разрешении приехать в Ясную Поляну скульптору Гиндбургу, за которого и я хлопочу». Суворин ответил: «Произошло недоразумение: просил я не за Гиндбурга, а за скульптора Беренштамма, который живет в Париже; и тот и другой — еврей, которых я не люблю, и если вы находите, что Гиндбург хорош, то могу и за него просить».

Усталый от бессонной ночи, которую я провел в дороге, напуганный и испуганный В. В., сказавшего, что если я не привезу хорошего бюста «Великого Льва», то он всячески будет меня ругать, — я рано утром очутился с узелком в руках на балконе дома Толстых. «Вы — Гиндбург, — сказал Л. Н., устремив на меня свой пронзительно острый взгляд. — Мы вчера еще вас поджидали». Увидев мое смущение (я оробел и опустил голову), он прибавил мягким голосом: «А где же ваша глина? Ведь вы приехали меня лепить». Я почувствовал его доброту и мне стало легко на душе, он стал мне близким.

— Вот глина, — сказал я, повеселев, и показывал ему узелок, который до того скрывал сзади.

— Мало, мало. Я знаю одно место, где прекрасная глина, пойдём накопим побольше.

Это меня приободрило и я свободно вздохнул.

— Надо только хоть немного отдохнуть, чтобы со свежими силами начать работать, — решил я, когда Л. Н. ушел к себе. В это время вошел И. Е. Репин и, увидав меня, сказал: «Сейчас же пойдём работать: Л. Н. у себя, я пишу портрет, а вы начнете лепить». — «Как, сейчас? Я устал, надо подготовиться, подумать». — «Откладывать нельзя, — стал сердиться И. Е. — Не забывайте, где мы — ведь мы находимся на 4-ом бастионе».

Я начал работу при неблагоприятных условиях: в рабочей комнате Л. Н. было тесно, станка не было, а главное, начал круглую фигурку и делая движения, я часто задевал ногой стол, на котором стоял мольберт И. Е. Малейший шум отвлекал Л. Н. от

работы и это нас очень беспокоило. Мне казалось, что я работаю вяло, но когда кончился сеанс и Л. Н. долго осматривал наши работы, в особенности восхищался картиной И. Е., то я приободрился, а когда И. Е., посмотрев мою работу, сказал: «Начато хорошо, так и продолжайте», то я готов был его расцеловать.

После обеда, во время которого я познакомился со всей семьей Толстых, Л. Н. позвал меня погулять и долго расспрашивал о художниках. С напряженным вниманием я его слушал; но особенно новы и необыкновенны были для меня

его суждения о скульпторах. — «Они все поставили в Европе памятники — монументы насильникам царям, а главное, что людей трусливых, ничтожных представляли героями с саблями наголо и выпяченной грудью... Скульпторы больше других подделывались под сильных мира сего, — и я за это их не люблю».

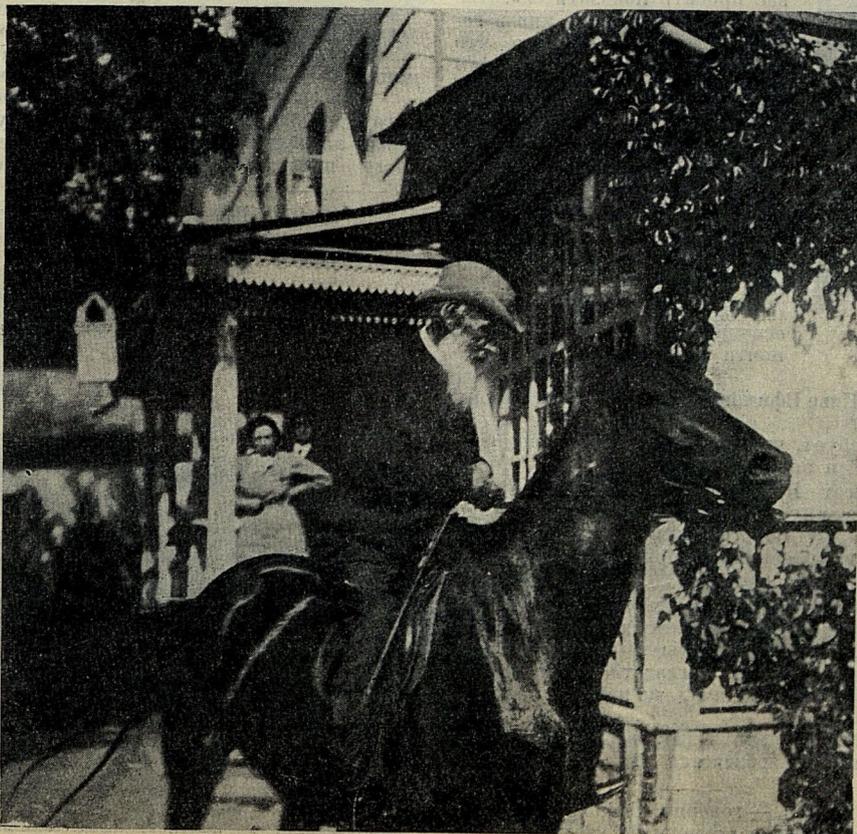
Но вскоре Л. Н. стал меня спрашивать о том, что я делаю, почему я такой худой. «А играете ли вы в теннис, в городки? Вот посмотрите, как мы играем, и вам захочется».

Когда мы вернулись домой, и Л. Н. ушел отдохнуть, я отправился в парк, — хотелось собраться с мыслями и немного отдохнуть. Гуляя по аллеям, я вдруг увидел Л. Н. верхом.

— Что вы одни гуляете, пойдём купаться, — и подняв меня на лошадь, он посадил меня впереди, обхватив одной рукой, а другой правая. Хотя

Л. Н. Толстой в Крыму. — Слева направо: Толстой, скульптор И. Гиндбург и В. Стасов

Выезжает на прогулку на «Делире»

«Толстой в гневе огненной». Картина, найденная на стене Киевского монастыря, повешенная в дни отлучения Толстого от церкви

мне было очень неудобно сидеть, но я был счастлив, что Л. Н., как лесной дарь, несется со мною в неведомую даль.

Вечером, после ужина, который происходил в верхнем обширном зале, Софья Андреевна сказала, что ожидаются гости. Я понял, что вечер затянется. Чувствуя себя и физически и нервно утомленным от всего того, что приходилось испытывать в течение этого дня, я удушил минуту, когда все были заняты рассматриванием альбома, и украдкой вышел из зала. Спустившись вниз, я отыскал комнату, в которой были пригоровлены две постели, для меня и для И. Е., и стал раздеваться с намерением лечь спать. Вдруг я слышу знакомые торопливые шаги Л. Н. — «Как, вы собираетесь ложиться спать так рано. А я пришел за вами. Вас все ждут. Вы покажете вашу мимку. Я получил письмо от В. В., он пишет, что непременно надо вас просить показать ее».

Кровь бросилась мне в голову. «Мимика» — это то, что я показывал моим близким друзьям в минуты веселья и шаловливых настроений. Конечно то, что я показывал в интимном кругу приятелей, не годится для дома Л. Н. — так решил я и стал отказываться. Но Л. Н. продолжал настаивать. «Я вас тут подожду, одевайтесь и идите». Я не мог ослушаться и с грустью пошел за ним. Зал был ярко освещен и полон народу. Я почти никого не знал.

— Дорогой, голубчик, вырчите меня, — говорю я Илье Ефимовичу, отводя его в сторону. — А что случилось?

— Да вот Л. Н. требует, чтобы я показал мою «мимку», но это ведь невозможно, и кроме того, я устал.

Но вместо ответа этот Брут схватывает меня под руку и сажает в самую середину стола, прося публику поместиться против меня по другую сторону стола и внимательно следить за мной. — Нет спасения, я попался. Сажу, как осужденный.

«Портной», — выкрикивает И. Е. один из номеров моей программы; Л. Н. стоит прямо против меня, заложив руки за пояс с выпяченной грудью и поднятыми плечами. Стоит и ждет. Его умный, вырзительный взгляд точно проникает в мою душу. Я совсем оторопел. Начал, но как мне казалось, валя и нехотя.

Слышу смех и вижу, что это Л. Н. весь трясется от смеха. Все громче и громче раздается его заразительный смех.

— Левушка, ты мешаешь, — говорит Софья Андреевна, и Л. Н. отходит в сторону. Но я не могу не следить за ним, и когда я вижу, что он губами и глазами продергивает те же движения, что и я показывал, как портной вдевает нитку

в иголку, то с трудом удерживаюсь от смеха и продолжаю с большим оживлением и подъемом.

— «Урок», — выкрикивает мой импресарио И. Е. после дружных аплодисментов. Таким образом, я должен был показать весь мой репертуар. Вся моя усталость, вся робость прошли, когда я увидел, что и после представления Л. Н. долго ходил по зале и смеялся. Это было лучшей для меня наградой.

— Что? — сказал И. Е., когда мы поздно вечером поили к себе спать, — видели в каком восторге Л. Н.?

На следующее утро, выйдя из дому, я слышал голос Л. Н. — «Был дом, где под окном»... (мой рассказ). С тех пор каждый раз, когда я бывал в Ясной, я должен был показывать «мимку». — «Интересное не надоедает», — говорил каждый раз Л. Н., когда я пытался отказываться повторять.

Я рад, что на мою долю выпало счастье вызвать моими маленькими представлениями смех и одобрение великого художника.

23 июля 1928 г.

ТОЛСТОЙ И РОМЕН РОЛЛАН

(По неизданным материалам *)

Л. Гроссман

Осенью 1887 года юный парижский студент Ромен Роллан послал письмо в Ясную Поляну. Лишь незадолго перед тем он впервые узнал Толстого, но это знакомство уже успело вырасти для него в огромное событие.

«Дни, когда я познал его, никогда не изгладятся из моей памяти», — вспоминал впоследствии Ромен Роллан.

«Это было в 1886 году. После нескольких лет медленного прозябания, чудесные цветы русского искусства возникли на французской почве. Переводы Толстого и Достоевского начали сразу проявляться во всех издательствах

*) Письма Ромена Роллана к Толстому, хранящиеся в архиве последнего и положенные в основу настоящей статьи, публикуются впервые.

Ранней весной в Ясной Поляне

Толстой и его жена Софья Андреевна

с лихорадочной поспешностью. За 185-1886 год в Париже были изданы: Война и Мир, Анна Каренина, Детство и Отрочество, Поликрушка, Смерть

Ивана Ильича, кавказские повести и народные сказки. В несколько месяцев, в несколько недель перед нашими глазами раскрылось творчество одной великой жизни, в которой отражался дельный народ, даже целый новый мир... Это были как бы врата, раскрытые на безбрежную вселенную, великое разоблачение жизни... Никогда еще подобный голос не раздавался в Европе».

Вскоре за тем появился знаменитый трактат Толстого «Так что же нам делать»? В нем великий романист, пораженный размерами и безвыходностью городской нищеты, глубоко бесповоротно осуждал все современное искусство за его оторванность от интересов и нужд народных масс, за его бесполезность для огромного и лучшего человеческого большинства — для трудящихся.

Книга Толстого поразила и испугала Европу. Молодой Роллан, мечтавший в то время о будущности композитора, поэта или трагика, приобретенный ко всем новейшим запросам европейского творчества, испытал, как и все окружающие, великое смущение.

Толстой был для него с отроческих лет руководителем в современной «моральной анархии». Роллан заявлял впоследствии, что «Война и Мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича» были ему несравненно дороже всех великих произведений французской литературы. Но не менее горячо был он предан искусству, и в частности музыка для его жизни «была так же необходима, как хлеб».

И вот его великий учитель резко и решительно осуждает все европейское искусство за его безразличность, способную только развращать и разъединять людей.

«А между тем я чувствовал, что нет ничего более чистого, чем впечатление от произведения великого художника. В симфонии Бетховена, в картине Рембрандта черпают не только забвенье всего личного, но и силу мысли и доброты, струящейся из этих великих сердец. Что могло сильнее сблизить и породнить меня с людьми, чем общие волнения от «Эдипа» или от «Симфонии с хорами»?

Двадцатилетний юноша испытывает глубокую тоску. Охваченный желаньем принести пользу окружающим на путях творчества, он странится отдалить свою юную жизнь вредному и гибельному делу.

Где же правда? В чем выход из создавшегося тупика?

Ромен Роллан решает поделить своими сомнениями с самим Толстым.

Он обращается к нему с обширными письмами, в которых раскрывается напряженная драма философских исканий одного зреющего творческого сознания. Приведем главные отрывки из этих писем, до сих пор неопубликованных.

Первое письмо Р. Роллана к Толстому датировано 16 апреля 1887 года. Оно написано еще не установившимся, почти детским почерком, с наглым обращением «господин граф», с робкой подписью «ученик высшей нормальной школы», с необычным адресом: «Господину графу Льву Толстому литератору».

Оно выражает глубокую любовь к Толстому одного юного и томщегося сердца. Неудивительно, что на обороте конверта рукою С. А. Толстой написано: «Это письмо прелесть».

Толстой у скульптуры Репина

«Я не посмею бы писать вам, если бы имел в виду только выразить мое страстное восхищенье вашими твореньями; мне кажется, я слишком хорошо знаю вас по вашим романам, чтоб обратиться к вам с пошлыми похвалами, которые ваш великий ум презирает и которые были бы почти дерзостью со стороны ребенка, каким я еще являюсь. Но я движим могучим желаньем знать, — знать, как жить, и только от вас я могу ждать ответа: ибо только вы поставили вопросы, которые преследуют меня. Я измучен мыслью о смерти, которую нахожу почти на каждой странице ваших романов; я не мог бы сказать вам, насколько ваш Иван Ильич совершил переворот в моих заветных мыслях»...

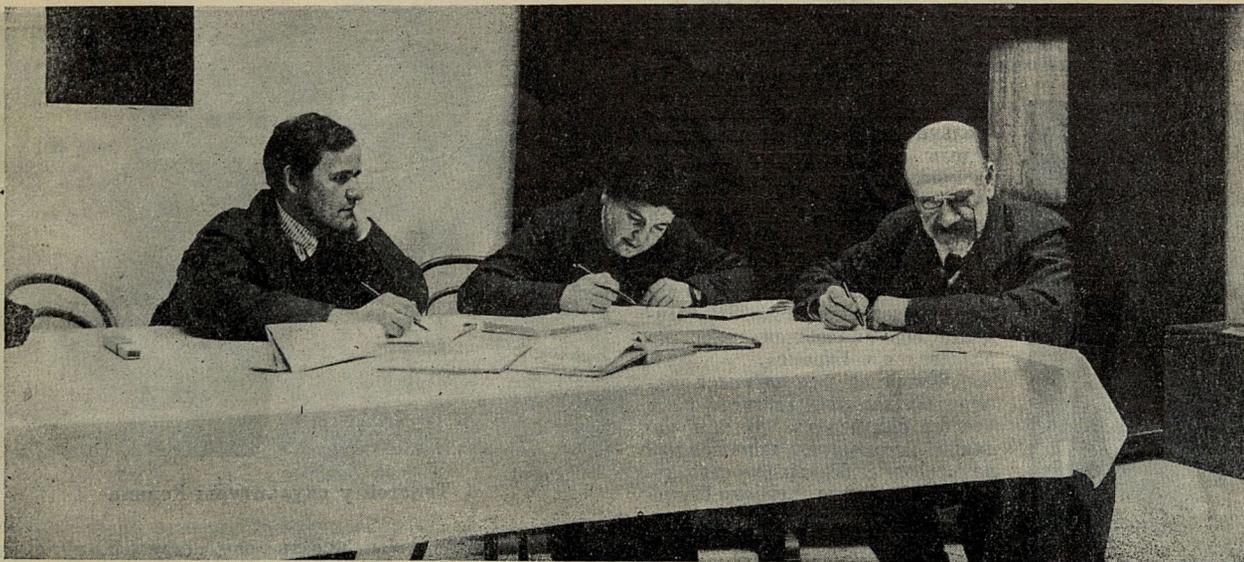
Ромен Роллан говорит о своем желании победить страх смерти растворением своей личности в общей жизни. Он принимает пять правил Толстого об отречении, о практическом милосердии. Он признает, вслед за Толстым, что необходимо оторваться от своего эгоистического «я», достигнуть делительного самозабвения и полного отказа от самого себя. И тут же он выдвигает перед своим учителем кардинальную проблему: «Я хочу поставить вам вопрос, который наиболее волнует меня: почему вы осуждаете искусство? Отчего бы вам, напротив, не воспользоваться им, как самым совершенным средством, которое позволит вам осуществить ваше отречение? Я прочел только-что со страстным увлеченьем ваше новое произведение «Так что же нам делать»? Разрешение вопроса об искусстве в нем отложено до другого раза. Вы говорите, что вы осуждаете искусство, но вы еще не сообщаете мотивов вашего приговора»... Роллану кажется,

«Толстой шлет». — С картины Пастернака

что искусство, и особенно музыка, освобождают нас от страха смерти, возвращают к общей жизни.

«Я знаю, что вы мне на это ответите: я забываю, что искусство есть цветок зла, венец всех социальных неспра-

А. Л. и С. Л. Толстые разбирают рукописи Толстого в Историческом Музее в Москве

ведливостей»... Но, спрашивает Роллан, не есть ли оно, все же, высшая ценность, если оно освобождает нас от страха смерти и ненужной повседневной активности?

«Я влюблен в искусство, потому что оно разрывает мою жалкую, маленькую личность, что в нем я перестаю существовать, что эти бесконечные гармонии звуков и красок растворяют мысль и отменяют смерть.

— Не думаете ли вы, что искусство призвано осуществить огромную роль даже в вашем учении для народов, которые умирают от сложности своих чувств и от излишеств своей цивилизации?

Письмо это пришло к Толстому в момент, когда он был погружен в работу над своей книгой «О жизни». Ответ на запрос французского студента был отсрочен.

Через полгода пришло второе письмо от Ромен Роллана, в котором он возобновлял свои вопросы.

В одно из посещений Хамовнического дома, осенью 1887 года, Бирюков застал Толстого в глубоком волнении. Он шел

навстречу посетителю со словами о доброй вести: к нему пришло письмо одного французского студента, уже вторично обращавшегося к нему за советом и разделявшего его мысли. Письмо было настолько замечательно, что Толстой решил всесторонне ответить на него.

Вскоре Ромен Роллан получил из России ответное письмо. Написанное на 38 страницах, на французском языке, оно разрешило все сомнения и навсегда определило будущую деятельность Роллана.

«Дорогой брат, — писал Толстой, — я получил Ваше письмо: оно тронуло меня до глубины души. Я прочел его со слезами на глазах»...

И затем в целом исследовании Толстой развивал мысль, что лишь то искусство ценно, которое соединяет людей, и что только тот истинный художник, кто способен жертвовать собой на пользу другим людям. Не любовь к искусству, но любовь к человечеству — вот первое условие подлинного творческого призвания.

Такова сущность беседы Толстого с Ромен Ролланом. Те же темы звучат и в других письмах французского писателя, адресованных в Ясную Поляну. Вскоре и сле смерти Толстого Роллан написал свою книгу о нем, в которой во весь рост изобразил своего великого учителя, выразив свою глубокую преданность его памяти.

Когда в 1917 году вышло первое французское издание «Дневников» Толстого, Ромен Роллан снова вернулся к своей любимой теме. В небольшой статье, помещенной в Женевской газете, он воздает хвалу «свободной совести» Толстого, который всегда умел смотреть на вещи и людей «своими орлиными глазами» открыто и прямо, не мигая.

Это раннее общение с Толстым оставило след на всем творчестве Ромен Роллана.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной за роялем

**ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ
„КРАСНОЙ ПАНОРАМЫ“**

В РАССРОЧКУ:
15-го СЕНТЯБРЯ НАСТУПАЕТ СРОК
ЧЕТВЕРТОГО ВЗНОСА

**НЕ ЗАБУДЬТЕ СВОЕВРЕМЕННО
ПЕРЕВЕСТИ ТРИ РУБЛЯ**

**ИСПОЛЬЗУЙТЕ ДЛЯ ПЕРЕВОДА ДЕНЕГ
РАЗОСЛАННЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ БЛАНКИ**